

АКАДЕМИЯ НАУК ССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
7 (70)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

АНТИЧНЫЕ ПИСАТЕЛИ О НУБИИ

О древней Нубии — Нильской Эфиопии греческих и латинских авторов — античная традиция сохранила немного сведений. К тому же они отрывочны и носят более или менее случайный характер. Подавляющее большинство их находится в трудах эллинистических историков и географов и относится к сравнительно позднему времени. Вместе с тем писатели древности дают весьма ценные указания по истории и географии этой до сих пор мало изученной страны и позволяют характеризовать отдельные стороны ее социально-экономического уклада не только второй половины I тысячелетия до н. э. и первых столетий н. э., но и гораздо более раннего времени. Необходимо также принять во внимание, что о многих фактах мы узнаем только по работам греческих и римских авторов, так как другие источники о них умалчивают. Вот почему представляется целесообразным хотя бы вкратце остановиться на античных источниках, относящихся к древней Нубии и попытаться охарактеризовать их, тем более, что подобная задача до сих пор никем не ставилась.¹ Окончательное решение ее потребует ряд специальных исследований.

Для греков не только первой половины I тысячелетия до н. э., но и впоследствии, как это будет показано далее, Нубия представлялась сказочной, мифической страной, находившейся где-то далеко на востоке, на берегу океана, где живут эфиопы,² лицо которых очернило близкое солнце. Они — друзья богов, и последние освящают их жертвоприношения своим присутствием. У грека той поры несомненно не было сколько-нибудь ясных и точных представлений о местонахождении Нубии. Вплоть до гибели античной культуры эфиопами обычно называются народы, имеющие темный цвет кожи, причем различают западных и восточных. В число восточных попадает и население Индии, как это можно судить по „Илиаде“.³ До греков гомеровской эпохи доходили смутные и неопределенные слухи о далекой восточной стране. Несколько расширяются географические горизонты в „Одиссее“.

¹ Бадж (E. A. W. Budge. The Egyptian Sudan, vol. 2. London, 1907) упоминает только о Геродоте, Диодоре, Страбоне и Плинии Старшем, приводя при этом обширные цитаты из их сочинений. Отсутствует подобный обзор и в очень хорошо документированной (в особенности археологическими данными) работе по истории Судана Д. Оркелла (J. Arkell. A History of the Sudan to 1821. 2 ed. London, 1961).

² Номер. II., I, 423; XXIII, 206; Od., I, 23.

³ G. Finsler. Homer. Leipzig—Berlin, 1908, стр. 194. Впрочем, Страбон (Strabo., II, 3, 8) решительно отвергает возможность знакомства Гомера с индийцами.

Однако и в этой поэме при упоминании о западных эфиопах⁴ речь идет не о Нубии, а об обитателях Мавритании,⁵ так как странствия Улисса, видимо, должны быть отнесены к западной части Средиземного моря. Даже Египет представляется Гомеру далекой страной, куда никто не направляется по доброй воле.⁶ Хотя Менелай в своем повествовании Телемаху о приключениях после взятия Илиона и упоминает о посещении Кипра, Финикии, Египта, сидонян, эфиопов⁷ и т. д., однако далеко не ясно, идет ли в данном случае речь именно о жителях Нубии. Не исключена возможность, что и здесь следует подразумевать какую-либо приморскую страну, население которой имело темный цвет кожи. Как видно из контекста, Менелай за пределы Средиземного моря не выходил; все перечисленные им страны расположены у берегов. Вообще нет никаких оснований полагать, что греки Гомеровской поры проникали далее южных берегов Средиземного моря. Их осведомленность о Египте, и притом весьма приближительная, в лучшем случае ограничивалась областями Дельты. Более близкое знакомство с приморскими районами Египта обнаруживается в XIV песне „Одиссеи“.⁸ Из рассказа Одиссея свинопасу Эвмею можно заключить о роли пиратов в расширении географических познаний греков гомеровской эпохи. Характерно, что в своем вымышленном повествовании, которое как можно более должно походить на правду, царь Итаки выдает себя за критянина, подчеркивая тем самым давние то мирные, то враждебные, в зависимости от времени, но всегда тесные отношения между этим островом и Египтом. Во всяком случае, наиболее южным пунктом долины Нила, о котором у эллинов той поры были сколько-нибудь достоверные, хотя и чрезвычайно смутные представления, были Фивы. Если до воцарения Псамметиха I отдельные авантюристы-греки, объединявшие в одном лице торговца и пирата, попадали в долину Нила, — в этом отношении рассказ Одиссея чрезвычайно характерен, — то далее городов Дельты они едва ли проникали и о Нубии,⁹ таким образом, могли знать только понаслышке.

В упомянутом Гомером и Гесиодом эфиопе Мемноне, сыне Тифона и Авроры,^{9a} У. Вилламовиц-Мёллендорф усматривает воспоминание о мировом господстве ассирийцев. Связь Мемнона с Сузами доказывает

⁴ Homer, Od., I, 23.

⁵ G. Finsler. Homer, стр. 195.

⁶ μή τὰυα πύρην Αἴγυπτον καὶ Κύπρον ἴκηαι (Homer, Od., XVII, 448). Дорога в Египет длинна и опасна — Αἴγυπτον δ'εἰέναι δολιχὴν ὁδὸν ἀργαλέην τε (там же, IV, 483).

⁷ Homer, Od., IV, 83—85; стр.: Strabo, I, 1, 32: „Необходимо при этом сказать, что большую часть времени Менелай странствовал по Финикии, Сирии, Египту, в Ливии, а также в окрестностях Кипра и вообще по берегам нашего моря и по нашим островам, потому что в этих местностях можно было получить и дары гостеприимства, и приобрести кое-что силою и разбоем. Между тем отдаленные варвары, жившие на берегах внешнего моря не внушали Менелая никакой надежды на приобретение. Поэтому говорят, что Менелай приходил в Эфиопию, а не так, будто бы он достиг только границ ее, прилегающих к Египту; кроме того, границы эти могли быть в то время ближе к Фивам, нежели теперь; и в настоящее время близки эти границы, подле Сиены и Фив. Из этих городов первый лежит в Египте, а население второго состоит из эфиопов и египтян. Что Менелай, пришедши в Фивы мог дойти не только до границ, но проникнуть и далее до эфиопов, благодаря гостеприимству царя, — ничего нет в этом невозможного“. (Перевод Ф. Мищенко).

⁸ Там же, XIV, 192—359, особенно XIV, 245—298.

⁹ D. Mailliet. Les premiers établissements des Grecs en Egypte (VII et VI siècles). Paris, 1893 (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, vol. XII), стр. 15.

^{9a} Od., XI, 922; Theogonia, 984—985.

его близость к восточным эфиопам. Если следовать мнению указанного ученого, должно признать это место у Гомера позднейшей вставкой, ибо апогея своего могущества Ассирия достигает в IX—VII вв. до н. э.

С середины VII в. при Псамметихе I и его преемниках греки — солдаты-наемники, а впоследствии купцы и ремесленники, во все возрастающем количестве направляются в Египет, проникая далеко в глубь страны. От времени правления Псамметиха II (594—588 гг. до н. э.) сохранилось неопровержимое свидетельство их пребывания в Нубии — один из наиболее ранних памятников греческой письменности — надпись в Абу-Симбеле,¹⁰ по-видимому оставленные ионийскими наемниками, которые попали в область вторых нильских порогов, если следовать античной традиции, в составе военной экспедиции, отправленной за перебежчиками, перешедшими на сторону нубийских царей.¹¹ Тем не менее, как можно судить по скудным дошедшим до нас обрывкам литературы тех веков, Нубия для греков продолжала в полной мере оставаться фантастической страной. И у Гесиода,¹² и у старшего современника Солона — Мимнерма¹³ Эфиопия и эфиопы встречаются только в мифологическом контексте, причем их невозможно отождествить с какой-либо определенной страной или народом. С предположением, что Гесиод окончательно локализовал Эфиопию в Ливии, согласиться трудно, ибо и позднейшая греческая традиция сопоставляла с „непорочными эфиопами“ не только жителей Нубии.¹⁴ Вообще он считал, что эфиопы „расселены по всему южному краю известной ему земли“.¹⁵ Вот почему особенно приходится сожалеть об утрате труда логографа Гекатея Милетского, который посетил Египет почти за сто лет¹⁶ до Геродота и мог собрать интересные сведения о Нубии. Его *Περίοδος γῆς* — первое из многочисленных сочинений греков о Египте. Возможно, от-

¹⁰ Corpus Inscriptionum Graecarum 5126. Прежняя датировка временем правления Псамметиха I в настоящее время всеми оставлена. Новейшее издание: A. Bernard et O. Masson. Les inscriptions grecques d'Abou-Simbel. Revue des études grecques, t. 70, № 329—330, 1957, стр. 1—46; ср.: A. Todd. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the fifth century B. Ch. Oxford, 1946.

¹¹ Herod., II, 30. Первые издатели надписи греческих наемников Йорк и Лик отождествили упоминаемую в ней местность с Абу-Симбелом. Франц в „Corpus Inscriptionum Graecarum“ 5126 предположил, что подразумевается Пселкис (Дакке). А. Видеманн вносит исправление и читает Ψέλκισ, усматривая, таким образом, в этом слове египетское „Курти“ — название области между первым порогом и Элефантиной (A. Wiedemann. Die Griechische Inschrift von Abu-Simbel. Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge, Bd. 35, 1880, стр. 372. Он первый правильно датировал надпись). Корень „Керк“ сохранился в названии многих местностей Нубии — Керкасор, Гирге и т. д. Авторы последнего превосходно документированного исследования об этом походе Псамметиха II полагают, что он был превентивным и имел целью предупредить нападение нубийцев. Возможно, что армия фараона дошла до четвертого порога и даже несколько дальше (S. Sauneron et J. Yoyotte. La campagne nubienne de Psammétique II et sa signification politique. Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale, t. 50, Le Caire, 1952, стр. 157—207; E. Drioton et J. Vandier. L'Égypte. 3 éd., Paris, 1952, стр. 594—595). Не возражая против этого, К. Прео в статье, посвященной преимущественно проблемам географии, считает, что надпись принадлежит солдатам отряда, оставленного охранять тылы. (C. Préaux. Les grecs à la découverte de l'Afrique par l'Égypte. Chronique d'Égypte, t. XXXII, № 64, Juillet, 1957, стр. 291, прим. 1). Однако в этом случае непонятно, почему в надписи упоминаются командующие всей армией — Потасимто и Амасис.

¹² Theogonia, 984—985; Frag. 55; Carmina rec. A. Rzach. Leipzig, 1908.

¹³ Poetae Lyrici Graeci. Ed. I. Bergk. Leipzig, 1843, стр. 318.

¹⁴ A. Forbiger. Handbuch der alten Geographie, Bd. 2. Hamburg, 1877, стр. 802.

¹⁵ Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 49.

¹⁶ A. Wiedemann. Ägyptische Geschichte, Bd. I, Gotha, 1884, стр. 103.

дельные упоминания о Нубии имелись и в сочинениях других логографов, собиравших сведения о Египте, например Гиппия из Регия, Геланника.¹⁷

Таким образом, Геродот — первый греческий историк, сохранивший сколько-нибудь достоверные сведения о Нубии. Как известно, он посетил Египет в 448 г. или в 447 г. до н. э.¹⁸ и пробыл там около 4 месяцев.¹⁹ Следовательно, времени в его распоряжении было достаточно. В Нубию ему попасть не удалось, но на самой границе — на о-ве Элефантине (Herod., II, 29), где размещался последний к югу персидский гарнизон, он побывал.

Любопытность увлекла Геродота не далее пределов персидской монархии и прибрежных областей, где обычно располагались колонии и фактории эллинов. Отношения между нубийцами и персами были далеко не дружелюбными. Хотя нубийцы и должны были выплачивать некоторое, правда не слишком долгое время, дань Камбису, они часто тревожили набегами пограничные области. Поэтому подниматься вверх по Нилу за Элефантину было небезопасно. Кроме того, нельзя забывать, что весь V век до н. э. изобиловал почти непрерывными восстаниями египтян против персов, причем нубийцы играли в них весьма значительную роль. Одно из наиболее крупных подобных восстаний персам удалось подавить всего лишь за 6—7 лет до посещения страны пирамид отцом истории.²⁰

Значительность сообщаемых Геродотом известий о Нубии заключается не только в сравнительной их давности, но также и в разносторонности. Действительно, II и III книги „Истории“ сохранили многие данные об этой стране, довольно близкие к истине.

Геродот также различает „восточных эфиопов“, имеющих прямые волосы, и „ливийских эфиопов“, у которых „волосы так курчавы, как ни у какого другого народа“ (VII, 70). Под первыми, видимо, следует предполагать народы Гедрозии и Кермании; что касается последних, то это — нубийцы, живущие в „крайней стране на юго-западе обитаемой земли — Эфиопии. В ней есть много золота, водятся громадные слоны, деревья всевозможных пород“ (III, 114). Точно определяется северная граница Нубии — остров Элефантина (II, 18, ср. также II, 146, VII, 69). Столь же правильно различается хамитическое население районов Нубии, прилегающих к Египту областей нижних порогов (II, 29), от „эфиопов долговечных“ — негроидных племен верхних порогов Нила, где впоследствии образовалось Аккумитское царство. За исключением жителей Мероэ, Аксума и Адулиса, состоявшими с египтянами и греками в оживленном обмене, эти последние находились на значительно более низкой ступени культурного развития.²¹ Геродоту известно о культурном влиянии египтян на нубийцев (II, 30), чем он выгодно отличается от некоторых последующих авторов, например

¹⁷ Там же, стр. 106 сл. А. Видеманн, впрочем, считает *Αἰγυπτιᾶκῃ* Геланника подделкой, составленной в александрийскую эпоху (там же, стр. 108).

¹⁸ Pauly-Wissowa. Realencyclopädie des klassischen Altertumswissenschaft. Supplementum, Bd. 2, стр. 262. Ср.: Ph. E. Legrand. Hérodote, Introduction. 2 éd., Paris, 1955, стр. 28—29.

¹⁹ C. Sourdille. La durée et l'étendue du voyage d'Hérodote en Egypte. Paris, 1910.

²⁰ Н. М. Волков. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине XV в. до н. э. М., 1915 (Культурно-исторические памятники древнего Востока, вып. 3), стр. 18 и 71.

²¹ A. Forbiger. Handbuch der alten Geographie, Bd. 2. Hamburg, 1877, стр. 807.

Диодора, придерживающихся противоположного мнения. Дошли до него предания о покорении Нубии Сенусертом и другими фараонами, хотя здесь допущено полное искажение и смещение датировок, фактов и имен: Сезострис²² считается единственным царем, подчинившим эту страну (II, 110). Эта ошибка вполне объяснима — гораздо свежее были воспоминания о владычестве нубийцев над Египтом, на которое они не переставали претендовать и при персах.²³ Также искажен рассказ о завоевании Египта нубийцами (II, 100, 137, 139, 140, 152). Неясно, кто были 18 эфиопских царей, правивших в Египте (II, 100). Р. Лепсиус в свое время высказал предположение, что в их число, кроме царей XXV династии, включены фараоны V и VI династий.²⁴ Однако последние происходили из Элефантинского и Мемфисского номов. Натянутым представляется и мнение М. Бюдингера.²⁵ Если в данном месте не допущена очередная ошибка, то невольно напрашивается догадка, что неизвестный нам источник, которым пользовался Геродот, включил в это число и других эфиопов, например: Кашту, Пианхи, Танутамона, а также мелких зависимых и полузависимых князьков, правивших в то смутное время в отдельных номах, и по обыкновению присваивавших себе в титулатуре номинальное владычество над всей страной. Единого, устоявшегося и общего для всего Египта канона царей, как известно, не существовало. В основу сообщения Геродота скорее всего могло лечь устное предание или один из местных списков южных номов, где отношение к нубийцам во времена ассирийского и персидского владычества было дружественным, ибо они принимали активное участие в восстаниях против иноземных угнетателей и их цари рассматривались как законные правители Египта. Характерно, что сохраненная Геродотом традиция свидетельствует скорее о благожелательном отношении к нубийцам.

²² Сезострис — так, как он описан античными писателями под различными вариантами этого имени (Аристотелем, Полибием, Магасфеном, Эратосфеном, Диодором и т. д.), — фигура явно легендарная, воплотившая в себе черты нескольких фараонов-завоевателей, расширивших границы Египта в эпоху Среднего и Нового Царства: Сенусерта I и особенно Сенусерта II, а также, конечно, Рамсеса II (A. Wiedemann u. Herodots zweites Buch. Leipzig, 1890, стр. 392—405, 425). Некоторые ученые середины XIX в. пытались сопоставить его с Сенусертом I и II (Д. Вилькинсон), Сети I и Рамсесом II (Р. Лепсиус, К. Бунезен). Однако полное отождествление невозможно, ибо Сезострис лишен конкретно-исторических черт, имя его восходит к фараонам XII династии — Сенусертум (K. Lange. Sesostris. Ein ägyptischer König in Mythos, Geschichte und Kunst. München, 1954, стр. 12—27).

²³ Например Нагасен, которого прежде ошибочно считали современником Камбиза (H. Schäfer. Die äthiopische Königsinschrift des Berliner Museums. Leipzig, 1901, стр. 10, 18, 45 сл., 119—121; H. Gauthier. Le livre des rois d'Égypte vol. IV. Le Caire, 1915, стр. 62). Нагасен на своей известной стеле от 8 г. правления принимает полную титулатуру египетских фараонов. В действительности он правил во второй половине IV в. до н. э. (см.: F. Hintze. Studien zur meroitischen Chronologie und zu den Opfer Tafeln aus den Pyramiden von Meroe. Berlin, 1959, стр. 24; A. J. Arkell. A History of the Sudan. London, 1961, стр. 155—156).

²⁴ R. Lepsius. Die Chronologie der Ägypter. Berlin, 1849, стр. 255.

²⁵ Бюдингер (M. Büdinger. Zur ägyptischen Forschung Herodot's, § 5. Die äthiopische Dynastie. Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Classe, Bd. 72, Wien, 1872, стр. 577) считает, что Геродот отметил в своих заметках в Фивах трех известных эфиопских царей — Шабаку, Шабатаку и Тахарку — тремя штрихами, а впоследствии, при написании своего труда, ошибочно прочитал как III, т. е. 18. Трудно, однако, представить, чтобы Геродот подобно современному ученому или туристу путешествовал с дневником, куда он на ходу вносил заметки.

Из эфиопских фараонов ему известен по имени только один — Сабакон-Шабака, о котором он неоднократно говорит (II, 137, 139, 140, 152). Пятьдесят лет, падающих, по словам Геродота, на царствование Сабакона, таким образом, примерно совпадает с длительностью всей XXV династии.²⁶ Правда, при этом общая хронологическая перспектива, если не смещена полностью, то во всяком случае весьма неясна: так не поддается определению слепой царь Анисис, которого сменил Сабакон (II, 137). Предание, приводимое для объяснения причин ухода эфиопа из Египта, перекликается с известной „стелой сна“ Танутамона,²⁷ где факты приводятся в иной последовательности: сон царя предшествует походу в Египет. Полуфантастичен и также не укладывается в определенные временные рамки рассказ о действительно имевшем место походе Сенахериба на Египет во времена царя Сетона (II, 141). Этот последний ни одним памятником не засвидетельствован. Возможно, Сетон — один из царьков Нижнего Египта. Поход может быть отнесен только к эпохе Тахарки или Шабатаки, вступившими в единоборство с ассирийцами, о чем достаточно подробно рассказывают и Библия, и клинописные анналы.²⁸ Вполне соответствуют исторической истине известия о Псамметихе I, как преемнике XXV династии, и о походе Псамметиха II в Нубию, что также подтверждается уже упомянутыми надписями греческих наемников в Абу-Симбеле (II, 152, 161). Правда, Геродот, очевидно, считает обоих царей одним лицом.²⁹ Что касается упоминания о покорении Камбизом „пограничных с Египтом эфиопов“ (III, 97), то оно едва ли заслуживает полного доверия.³⁰ Чрезвычайно существенны отдельные замечания о „долговечных“ эфиопах, под которыми должно подразумевать племена, обитавшие у верхних порогов Нила. Это первые, относительно подробные, хотя далеко не достоверные сведения о жителях северных районов центральной Африки. Наряду с небылицами, обычными для греков в рассказах о далеких народах, в них содержатся зерна несомненно и драгоценной для нас истины, могущие при сопоставлении с местными источниками характеризовать социальный уклад этих племен не только в V в. до н. э., но и в предшествующие столетия.

Откуда почерпнул Геродот сведения о Нубии? Исчерпывающий ответ дается в 29-й главе II книги: „До города Элефантины я доходил сам и был здесь очевидцем, а о местностях, далее лежащих, узнавал из рассказов“.

²⁶ В. В. Струве (Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового Царства. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 78, Серия исторических наук, № 9, Л., 1941, стр. 66) предполагает, что три царя, образовавшие, по Манефону, XXV династию, правили 40 лет с 726 по 686 г. до н. э. Кроме того, 31 год правил Кашта (763—732 гг. до н. э.). В пятьдесят лет определяют время правления этой династии и некоторые зарубежные ученые — (715—633 гг. до н. э.), в течение которого царствовали Шабака, Шабатака и Тахарка (E. Drioton et J. Vandier. L'Égypte, стр. 545).

²⁷ H. Schäfer. Urkunden der älteren Äthiopienkönige. Leipzig, 1908 (Urkunden des ägyptischen Altertums herausgegeben von G. Steindorff. III Abteilung), стр. 57—77.

²⁸ Исая, 37, 9; 2 Кн. Царей, 19, 9; M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Niniveh's, Teil I. Leipzig, 1916, стр. CCLXXIV; Teil II, стр. 7. H. von Zeissl. Äthiopien und Assyrer in Ägypten, Glückstadt, 1944.

²⁹ См. выше, прим. 10 и 11.

³⁰ Предположение, выдвинутое в свое время Г. Шефером, что Камбиз был именно тем царем, чье имя читается на стеле Настасена, ныне полностью опровергнуто, так как Настасен правил примерно два века спустя после Камбиза. См. выше, прим. 23.

И греческие наемники, сопровождавшие карательные экспедиции персов в Нубию, и отдельные греческие купцы³¹ и, конечно, сами египтяне, правда в меньшей степени, давали Геродоту интересующий его материал.³² Таким образом, общая достоверность и доброкачественность проводимых им известий о Нубии такова же, как и о Египте,³³ — разница только в том, что в последнем случае он находится еще в большой зависимости от источников, так как лично ничего не видел и проверить не мог. Некоторые его описания весьма живы, образны и правдивы, как например описание области первого порога — до острова Филе. Общее представление о местностях, лежащих выше по течению Нила, также правильно, хотя допущены значительные неточности в определении расстояния до некоторых населенных пунктов и ошибочно указано местоположение и названия других. Так, неверно локализируется Мероэ севернее того места, где оно действительно расположено,³⁴ остров Филе назван Такомпсо, хотя Такомпсо область, тянущаяся по обеим сторонам реки в районе Сиены и частично совпадающая с Додекасхойнос.³⁵ Рассказ о воцарении Псамметиха I и о нападении ассирийцев, как и многие другие исторические известия, заимствован в храме Гефеста, т. е. Птаха в Мемфисе.³⁶

Из всего сказанного естественно следует вывод, что, невзирая на многие неверные и даже фантастические данные, приводимые Геродотом, он служит важнейшим источником, пополняющим наши знания о Нубии, не только в силу приоритета во времени, не только по причине заимствований из его сочинений последующими писателями древности — Диодором, Страбоном и другими, но также и благодаря ряду достоверных сведений, содержащихся во II и III книгах „Истории“ Геродота.

Ближе всего во времени и по близости многих указаний из писателей, чьи сочинения дошли до нас, стоит к Геродоту Аристотель (384—322 гг. до н. э.). Более того, некоторые места, видимо, прямо заимствованы им у последнего. И по мнению Аристотеля, Эфиопия находится на краю обитаемой земли, далее которого жить невозможно из-за нестерпимой жары.³⁷ Ему известно о существовании Серебряных

³¹ Ср.: D. Mailet, ук. соч.

³² Так, в основе рассказа о походе Камбиза в Египет и Нубию (Herod., III, 1—38), как это видно из политической окраски повествования, лежит несомненно египетский источник, враждебный завоевателям, кое-где дополненный и исправленный автором со слов греков и персов, проживавших в Египте (III, 4, 7, 9), а также, видимо, по неизвестным нам землеописаниям, откуда он заимствует, вероятно, целые цитаты, не поддающиеся определению (III, 20—24). Ср.: T. Säve-Soderbergh. Zu den Äthiopischen Episoden bei Herodot. Eranos, t. 44, Upsala, 1946, стр. 78. Содерберг полагает, что источник Геродота был враждебен только Камбизу, а не персам, что сведения он мог заимствовать не у египтян, а у греков или персов. Однако аргументация шведского египтолога в ряде пунктов необедительна.

³³ О Египте см., А. Wiedemann. Ägyptische Geschichte, стр. 115—116.

³⁴ Возможно, что в данном случае Мероэ спутано с Мерове-Напатай, см.: S. Sauperon et J. Yoyotte, ук. соч., стр. 176, прим. 7 и стр. 187; C. Préaux, ук. соч., стр. 297.

³⁵ K. Sethe. Dodekaschoinos das Zwölfmeilenland an der Grenze von Ägypten und Nubien. Leipzig, 1901 (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens, II, 3), стр. 3—7; F. Griffith. Four granite stands at Philae. Bulletin de l'Institut français d'archéologie Orientale du Caire, vol. XXX, 1930, стр. 127.

³⁶ А. Wiedemann. Herodots zweites Buch. Leipzig, 1890, 26—27, стр. 397.

³⁷ В числе недодешших сочинений о Нубии, ближайших по времени к Геродоту, в первую очередь следует указать Περὶ τῶν ἐν Μερῶν ἰερῶν ὑπαξιῶτων Δημοκρίτα Абдер-

гор, откуда спадают верховья Нила (Meteor, I, 13, 21), разделяющего эфиопов на западных и на восточных. Внешний облик негроидных племен описывается Аристотелем правильно (Hist. anim., III, 9), что вполне естественно, ибо с неграми греки познакомились давно, задолго до Аристотеля.³⁸ Присущая им курчавость волос объясняется свойствами климата (De anim. gener., I 3; Physiognom., 6; Probl, XIV, 4). Очень близко к Геродоту и, без сомнения, восходит к нему рассуждение наставника Александра Македонского о политическом устройстве Эфиопов.³⁹ Также восходят к Геродоту сведения о „крылатых змеях“ (Hist. anim., I, 5; VI, 19; ср.: Herod., II, 75, 76). Таким образом, в основе представлений Аристотеля о Нубии лежат труды „отца истории“, но его географический кругозор шире: ему известны горы и реки этой страны, в частности восточные притоки Нила. Но все же в целом знания Аристотеля о Ливии стоят не выше общего уровня греческой науки предэллинистической эпохи.⁴⁰

Походы Александра Македонского значительно раздвинули географические горизонты греков. Они проникают в отдаленные страны и моря. Возрастает количество описаний отдельных областей, множится число всевозможных путеводителей по сухопутным и водным путям. О Нубии после Геродота до самого конца IV в. до н. э., когда была воздвигнута упомянутая уже стела Настасена, еще недавно мы ничего не знали. Найденные в Каве экспедицией Оксфордского университета в 1930/1931 г. надписи нубийских царей, образцово изданные М. Лемингом-Макадамом, несколько восполнили этот пробел,⁴¹ но, конечно, в далеко недостаточной степени.

Вот почему приобретают особенное значение те жалкие остатки сочинений, сохранившиеся в большинстве случаев в виде цитат у более поздних авторов, которые дошли до нас от целой плеяды путешественников, ученых, историков и географов первых двух веков эпохи эллинизма. Несмотря на опасность несколько отклониться от основной темы настоящей работы, весьма заманчива попытка представить общий обзор их трудов, ибо такого сопоставления до сих пор не производилось.

Бесспорно — первым из них по времени был Филон, возможно адмирал Птолемея I. Он описал свое путешествие в Нубию под названием *Αἰθιοπική*, дав ряд точных астрономических определений некоторых пунктов, которыми впоследствии воспользовались и Эратосфен, и Гиппарх (ср.: Strabo., II, 1, 17).⁴² Заглавие труда Филона повторяется многими другими авторами, писавшими впоследствии на эту тему.

ского (470/460—361 гг. до н. э.), который во время своих путешествий, очевидно, побывал и в Нубии, как об этом свидетельствует Диоген Лаэртский (IX, 7, 2) (D. Mailliet. Les rapports des grecs avec l'Égypte. Le Caire, 1925 (Institut français d'archéologie Orientale du Caire. Mémoires, t. 48), стр. 138—139). Ср.: Herod., III, 114.

³⁸ J. Löwenherz. Die Aethiopen in der altgriechischen Kunst. Göttingen, 1861.

³⁹ Аристотель. Политика. Перевод С. А. Жебелева, IV, 3, 7; ср.: Herod., III, 20; Skylax, Periplus, 112; Geographi graeci minores, vol. I. Ed. C. Müller, Paris, 1855, стр. 94.

⁴⁰ P. Bolcher t. Aristotels Erdkunde von Asien und Lybien. Berlin, 1908 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie herausgegeben von W. Sieglin, H. 15), стр. 67.

⁴¹ M. F. Laming-Macadam. The Temples of Kawa, vol. I, The Inscriptions. London, 1949.

⁴² F. Susemihl. Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit, Bd. I. Leipzig, 1891, стр. 655; Fragmenta historicorum graecorum, vol. III. Ed. C. Mül-

Дальше своих предшественников проник в глубь Африки Далион, живший при первых Птолемах. Его путешествие должно быть датировано, по-видимому, первыми годами правления Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н. э.), который и отправил эту экспедицию.⁴³ Судя по чрезвычайно скупым упоминаниям Плиния (Nat. Hist., VI, § 35, ср. Index, VI), Далион поднялся выше Мероэ и поэтому имел возможность внести в свой труд описание народов, живших в верховьях Нила.⁴⁴ Эратосфену сведения, доставленные им, немало помогли при составлении Γεωγραφικά. Естественно, этот многосторонний и самый образованный человек своего времени (275—195 гг. до н. э.), помимо личной обширной библиотеки, широко пользовался сокровищами Александрийской библиотеки, к которой он так близко стоял. Эратосфен имел возможность выбирать наиболее полные и достоверные материалы. Немногие отрывки в его „Географии“ и в „Естественной истории“ Плиния, где говорится о сочинениях Филона и Далиона, заставляют особенно сожалеть об их утрате. С помощью вычислений Филона Эратосфен определил широту Мероэ и Сиены, допустив в обоих случаях ошибку примерно на 4 минуты. Ему и Далиону, видимо, обязан он также приблизительным указанием истоков Нила. Для последующих поколений вплоть до конца XIX в. эта проблема представлялась неразрешимой загадкой.⁴⁵

Аристокреон, Бийон и Базилис, на которых также ссылается Плиний, писали о Нубии в общих или специальных сочинениях и жили, по всей вероятности, в одно время с Эратосфеном или же были его младшими современниками.⁴⁶ Отдельные фрагменты из сочинения Аристокреона о землях, расположенных к югу от Египта, название которого утрачено, сохранились у Плиния (Nat. Hist., V, 59: VI, 183, 191) и у Элиана Клавдия (Περὶ ζώων, VII, 40). Если судить по уцелевшим отрывкам, писания его мало достоверны. Однако не следует без оговорок категорически настаивать на столь суровом приговоре: эксцерпаторов могли прельстить наиболее фантастические рассказы. Неправдоподобность его сообщений была вполне объяснима, если бы он сам не посетил

ler, Paris, 1849, стр. 560. (В дальнейшем: FHG). Во время написания этой работы новое издание (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker, Dritter Teil, Bd. I. Leiden, 1958) было еще недоступно. При Птолемее II Филадельфе в глубь Эфиопии через Мероэ проник его наварх Тимосфен (Plin. Nat. Hist., VI, 183); H. Kortenbeutel. Die ägyptische Süd- und Osthandel in der Politik Ptolemäerzeit und der römischer Kaiser. Berlin, 1931.

⁴³ Возможно, ее подразумевает Диодор (Diod., I, 37).

⁴⁴ Simili modo de mensura ejus (spatii quod est a Syene ad Meroem) varia prodidere. Primus Dalion ultra Meroem longe provectus; mox Aristocreon et Bion et Basilis (Plin. Nat. Hist., VI, § 35; см. также: FHG, vol. IV. Paris, 1851, стр. 376).

⁴⁵ Eratosthenes. Geographische Fragmente. Herausgegeben von H. Berger, Leipzig, 1880. Один из истоков Нила — река Кагера окончательно была определена в 1892 г. Бауманном и более точно в 1898 г. Р. Кандтом (R. Hennig. Terrae incognitae, Bd. I. Leiden, 1944, стр. 428—429; Б. П. Дитмар. География Эратосфена. Землеведение, т. 31, вып. 4, 1929, стр. 295 сл.).

⁴⁶ Plin. Nat. Hist. VI., § 35. Аристокреон был, по-видимому, племянником и учеником Хризиппа (Diogenes Laertius, 185; ср.: Philon, I. St., Col. XLVII, 8 сл.). Повество мало вероятно предположение Шнейдера, издателя Клавдия Элиана, что Аристокреон являлся современником Гермиппа, который читал его произведения. В этом случае необходимо допустить и исправление Шнейдера и читать вместо Аристокреон — Аристоклеон. Контекст Плиния указывает, что Аристокреон жил немного позже Далиона. Гермипп мог быть только младшим современником Аристокреона (F. Susemihl. Geschichte der griechischen Literatur der Alexandrinerzeit, Bd. I. Leipzig, 1891, стр. 81—82; FHG, vol. IV, стр. 333—334). Ср. выше, прим. 44.

Нубию, однако он точно указывает длину отдельных отрезков пути до Мероз. Поэтому есть основания полагать, что эту страну Аристокреон знал не только с чужих слов. Если же ему там побывать не довелось, то в его распоряжении имелись доброкачественные источники, которые, к сожалению, не привлекли внимания позднейших писателей, пользовавшихся трудом Аристокреона. Во всяком случае, в его сведениях, даже в явно измышленных, дошедших до нас благодаря Элиану, есть зерно истины.

К тому же периоду — концу III в. до н. э. — началу II в. до н. э. — относится *Aiθiopiaká* в 10 книгах Биона из Соли,⁴⁷ неоднократно упоминаемого Плинием в 35 главе II книги „Естественной истории“. Весьма интересны немногие сохранившиеся отрывки в схолиях⁴⁸ и у Атеней, XIII, р. 566.⁴⁹ Скорее всего, Бцион во многом прибегает к помощи Геродота.⁵⁰ Судя по Плинию, он, возможно, посетил Нубию. Сообщаемые им сведения о Мероз отличаются от сведений Аристокреона.

Труд *Βασιλίσια Ἰνδικά*, вероятно состоявший из двух книг, как это можно заключить из заглавия, преследовал более обширные цели, чем труды его двух современников или предшественников, с которыми он разделил их участь. Агатархид по фрагментам, сохранным Фотием, упоминает о нем, как об осведомленном человеке.⁵¹

Очень мало известно и о Симониде, прожившем пять лет в Мероз.⁵² Даже время его жизни не поддается точному определению.⁵³ Неизвестно и название его труда, которым пользовался Плиний. Правильной представляется догадка, относящая путешествие Симонида в Нубию к более раннему времени, ибо Плиний упоминает о нем непосредственно за писателями, жившими в III—II вв. до н. э. То обстоятельство, что римский естествоиспытатель пользовался этим автором непосредственно, а цитирует его по труду Исидора Харакского, ровно ничего не доказывает. Ведь сам Исидор мог прибегнуть к сочинениям писателей, живших ранее.

Расцвет торговли при первых Птолемах с южными странами, в частности прилегающими к Красному морю и верховьям Нила, естественно объясняет значительное количество трудов, появившихся в III—II вв. до н. э. и посвященных описаниям областей, расположенных южнее и восточнее Египта. Страбон (XVII, 1, 5) прямо говорит об интересе, который был проявлен Птолемаями, в частности Птолемеем II Филадельфом к подобным проблемам. Со II в. до н. э. такого рода изыскания постепенно сокращаются. Еще меньше стало их в последующие столетия.⁵⁴ Писатели II в. до н. э., как правило, перепевали

⁴⁷ Diogen Laert, IV, 58; FHG, vol. IV, стр. 350—351.

⁴⁸ Там же, стр. 351, Frag. 5.

⁴⁹ Там же, стр. 351.

⁵⁰ Ср.: Herod., III, 20; Aristoteles. Politika, IV, 37.

⁵¹ C. Müller. Geographi graeci minores, vol. I. Paris, 1855, стр. 152.

⁵² „Siminides minor etiam quinquennio in Meroe versatus, cum de Aethiopia scriberet“ (Plin. Nat. Hist., VI, § 35).

⁵³ Так Клотц (Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, 2 Reihe, 5 Halbbd., стр. 197) датирует Симонида по той причине, что Плиний заимствовал собранный им материал из Исидора Харакского. Ф. Суземиль (F. Susemihl. Geschichte der Griechischen Literatur der Alexandrinerzeit, Bd. I. Leipzig, 1891, стр. 661) относит его к концу III в. до н. э. — началу II в. до н. э.

⁵⁴ М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, стр. 57.

своих предшественников, почти не внося нового, свежего материала. Именно им в большинстве случаев мы обязаны сохранностью того небольшого, что осталось от работ более раннего времени. Ценность их трудов находится в прямой зависимости от степени талантливости, начитанности, критического чутья авторов, которыми они пользовались. Типичной фигурой становится кабинетный ученый.

Именно таким кабинетным ученым и был Агатархид Книдский, родившийся около 203 г. до н. э.⁵⁵ Он написал, помимо других сочинений, труд *Περὶ τῆς Ἐρυθρᾶς θάλασσης* („О Красном море“) в 5 книгах и другой — в 10 книгах — об Азии. Вторая книга последнего труда послужила источником сведений Диодора Сицилийского о Египте и Нубии, так как Агатархид считал эти страны принадлежащими Азии.⁵⁶ Значительное количество отрывков из описаний Красного моря сохранилось у Фотия (Cod., 250)⁵⁷ и у того же Диодора.⁵⁸ Агатархид использовал помимо официальных периплов и отчетов экспедиций, снаряженных египетским правительством, также рассказы купцов и работы писателей IV—III вв. до н. э., например адмирала Птолемея II Филадельфа-Аристора, Силия, посланного Птолемеем III Эвергетом обследовать окрестности Красного моря, Эратсфена и др. Довольно подробные, но часто совершенно нелепые в силу своей полной фантастичности сообщения о различных народностях, населявших южные страны,⁵⁹ дают основания упрекнуть Агатархида в некоторой ограниченности, несмотря на значительную начитанность, как это видно из многочисленных приводимых им цитат. Данное Агатархидом подробное описание Восточной Африки и ее народов, оставшееся в течение долгого времени наиболее детальным, также страдает существенными недостатками: не определено сколько-нибудь точно местообитание упоминаемых племен и границы их расселения по отношению друг к другу, не приведены их названия, не указаны расстояния и т. д. Агатархид скорее литератор, чем ученый: отсюда его тяга к чудесному и занимательному вопреки истине и в ущерб точности. Он гораздо больше пишет о странах, расположенных вдоль берегов Красного моря, чем об областях, прилегающих к Нилу. Этот интерес вполне объясним и у него и у его последователей: основные торговые пути на юг в эллинистическую эпоху пролегли не по Нилу и не вдоль реки караванными трактами, а по Красному морю. Шесть нильских порогов, малая населенность Нубии, постоянные восстания в южном Египте, безводность караванных дорог и ряд иных обстоятельств являлись тому причиной.⁶⁰ Невзирая на отмеченные недостатки, работы Агатархида имеют большое значение. Ими широко пользовались и непосредственно и через вторые руки последующие писатели, прежде всего Диодор и Страбон.

Щедро черпал из сочинений Агатархида и Артемидор Эфесский, живший около 100 г. до н. э.⁶¹ Путешествовал он много, но в Нубии не был, достигнув только пограничных областей ее и ознакомившись

⁵⁵ F. Susemihl, ук. соч., стр. 685; FHG, vol. III, стр. 190—197; C. Müller. *Geographi graeci minores*, vol. I, стр. 111—195.

⁵⁶ Diod., III, 10.

⁵⁷ W. Aly. *Geschichte der Griechischen Literatur*. Bielefeld und Leipzig, 1925, стр. 250.

⁵⁸ Diod., I, 32—41; II, 49—54; III, 5—10.

⁵⁹ F. Susemihl, ук. соч., стр. 689; ср.: Diod., III, 18.

⁶⁰ М. Хвостов, ук. соч., стр. 41—45.

⁶¹ Marciani. *Epitome Peripli maris Interni*. В кн.: C. Müller. *Geographi graeci minores*, vol. I, стр. 566.

с побережьем Красного моря. Результаты своих личных наблюдений и книжных изысканий Артемидор опубликовал в одиннадцати книгах *Γεωγραφικῆς*, из которых восьмая посвящена Египту, Эфиопии, странам Троглодитов и Аравии.⁶² В ней очень много заимствований из Агатархида.⁶³ Материалом она действительно обильна, и, конечно, именно это обстоятельство заставило Страбона в свою очередь обратиться к Артемидору при написании XVI и XVII книг „Географии“.⁶⁴ В некоторой зависимости от него находятся также Диодор и Плиний. Таким образом, все эти писатели обязаны Артемидору знакомством с периплом и II книгой об Азии Агатархида.

От ограниченного и далеко не талантливого писателя, как Диодор Сицилийский, трудно ожидать свежего и оригинального материала. Действительно, в большинстве случаев он почти полностью находится во власти источников, несмотря на заверения, что отбирал для своего повествования только проверенные данные (III, 11). В „Исторической библиотеке“ встречается немало нелепых и фантастических рассказов: о сфинксах, водящихся в Эфиопии (III, 34), о происхождении эфиопов (III, 2), о взаимоотношениях нубийцев с египтянами и т. д. Даже в тех случаях, когда он лично посещал какую-либо страну, например Египет, где Диодор побывал в 57 г. до н. э., он передавал о ней неправдоподобные вещи. Нубия и сопредельные с ней области, которым посвящена часть III книги и отдельные замечания в I книге, остались в стороне от его пути, и при описании этих стран присущие ему недостатки сказались в полной мере. Далеко не всегда Диодор брал материал из первых рук. Первые десять глав III книги, равно как некоторые места I книги, взяты у Артемидора и восходят к Агатархиду.⁶⁵ Самого Агатархида он едва ли держал в руках. Многие заимствованы из Перипла Эритрейского моря, Гекатея, Геродота и других авторов, на которых прямо и даются ссылки. Находясь в зависимости от своих источников, Диодор (III, 11) далеко не всегда в необходимой степени критически к ним относился, хотя укорял в недостатке критики других ученых. Делая выписки, он по своему обыкновению заботился о внешней занимательности, порой в ущерб правде и содержательности, стремясь удовлетворить вкусы полуобразованных богачей мирового города, предъявлявших спрос на легкое и развлекательное чтение.⁶⁶ В то же время нельзя не считаться с преимуществами „Исторической библиотеки“. Не говоря уже о том, что она сохранилась значительно лучше трудов многих других писателей, от которых, как правило, дошли жалкие обрывки, в ней больше уделяется внимания фактам историческим, чем в работах Агатархида, Артемидора, Страбона и других, чьи интересы привлекала преимущественно география описываемых стран. В этом отношении Диодор сходен с Геродотом и отличается от Страбона и Плиния, лишь попутно приводивших исторические материалы. Сближая сицилийского историка с „Отцом истории“, следует также принять во внимание, что он посетил Египет почти ровно четыреста лет после Геродота, когда страна значительно эллинизиро-

⁶² Там же; ср.: *Diod.*, III, 10.

⁶³ См., например: *Strabo.*, XVI, 4, 20.

⁶⁴ Кроме Страбона, больше всего фрагментов сохранилось у грамматика V—VI вв. Стефана Византийского — автора „Географического словаря“.

⁶⁵ Из *Περὶ τῆς Ἐρυθρᾶς θάλασσης*, состоявшей из пяти книг, заимствованы III, 12—48.

⁶⁶ E. Schwarz. В кн.: *Pauly-Wissowa. Realencyclopädie*, 9 Halbbd., стр. 663.

валась в результате трехвекового господства греков, и знание греческого языка было далеко не редкостью, когда многие греки побывали не только в районе первых двух порогов, но преодолели трудности более далекого пути на юг за Мероз, когда, наконец, по Красному морю совершались регулярные и частые торговые рейсы до древней „Страны бога“ — Пунта. Беседовал Диодор о Нубии и южных странах с египетскими жрецами и „не малым количеством посланцев“ из Эфиопии *οὐκ ὀλίγοις δὲ καὶ πρεσβυταις ἀπὸ Αἰθιοπίας παροῦσιν* (III, 11). Таким образом, Диодор находился в более благоприятных условиях, чем Геродот: его источники были шире и надежнее и только присущая ему поверхностность и легковесность помешали воспользоваться ими в полной мере. В силу только что указанных обстоятельств „Историческая библиотека“ Диодора во многом исправляет и дополняет Геродота. Правда, за четыре века и в Египте и в Нубии произошло немало изменений и в быту, и в области экономики, и в социальных отношениях. Описание Геродота, естественно, ближе к старине, чем сведения, приводимые Диодором, если только они не восходят к предшествующим столетиям. Во всяком случае, Диодор гораздо лучше осведомлен об истории, древностях и этнографии Египта, Нубии и стран, расположенных к югу и востоку от них, чем писавшие после него Страбон и Плиний.

Так, например, он ближе к Манефону, сообщая, что „насчитывается всего четыре эфиопских царя, которые правили около 36 лет“ (I, 44); правда, тут допускается отступление от Савеннитского жреца, который ничего не говорит о разрывах между их царствованиями. Характерно, что и у Диодора отмечается благожелательное отношение к фараонам-эфиопам: подчеркивается их мягкость и справедливость (I, 60 и 65). Покорение Нубии египтянами тоже приписывается полугендарному завоевателю Сезострису (I, 40); причины ухода эфиопов из Египта объясняются так же, как и у Геродота, — сновидением Сабакона (I, 65). Однако наиболее ценное, что содержит „Историческая библиотека“ о Нубии находится в первых главах III книги, где описываются эта далекая страна и соседние с нею племена, их обычаи и нравы. Указанные главы сохранили незаменимые сведения, без которых не может обойтись ни один историк древней Нубии. Как и Геродот, но гораздо определеннее, чем он, Диодор идеализирует некоторые черты жизни и быта эфиопов, что впоследствии с особенной силой проявится в „Эфиопике“ Гелиодора. Об этом следует сказать несколько подробнее, тем более, что данный вопрос еще ждет углубленного исследования.⁶⁷

Неудовлетворенность социальной действительностью с древнейших времен неоднократно вызывала у античных философов и писателей различных направлений обращение к утопии. В отличие от многих христианских утопистов средних веков, утопистов нового времени, полагавших счастье человечества в образцовой государственной и социальной организации в более или менее отдаленном будущем, утописты древности обычно помещали свои идеальные страны на далекой

⁶⁷ Эта чрезвычайно интересная тема затронута в работе Роде (E. Rohde. Der griechische Roman und seine Vorläufer. 3 Auflage, Leipzig, 1914), который ограничивается, как показывает название, греческой литературой, и Р. Пельмана (История античного социализма и коммунизма. СПб., 1910, стр. 289—333). Обе они устарели. Новейшее исследование: R. Helm. Der antike Roman. Göttingen, 1956, стр. 24 сл.

периферии юга или севера, востока или запада.⁶⁸ Обычно их произведения имеют форму описания путешествия, конечно, совершенно фантастического.⁶⁹ И также фантастичны описания неведомых далеких земель и населяющих их людей. Представления, из которых создавались образы этих чудесных стран, были чрезвычайно разнообразны. В причудливых сочетаниях сливались представления о „золотом веке“, когда люди под эгидой Кроноса вели жизнь беззаботную и беспечальную,⁷⁰ фантастические рассказы о путешествиях и приключениях в дальних морях и землях, начиная с „Одиссеи“, восточные сказки, проникавшие из Ирана и Индии,⁷¹ философские, политические и религиозные спекуляции.⁷² Старое смешивалось с новым, правда переплеталась с вымыслом, народное творчество соединялось с изощренными литературными измышлениями. По мере расширения географических горизонтов все дальше отодвигались и сказочные чудесные земли. Особенно украшала фантазия элина страны юго-востока, прилегающие к Красному морю и Индийскому океану. Если для грека Гомеровской эпохи и ближайших к ней столетий Египет был страной дивной и глубокой непостижимой мудрости, перед которой преклонялся затем не только Геродот, но и последующие писатели,⁷³ относя возникновение этой мудрости к седой древности, то все же ореол таинственности, окутывавший области нижнего течения Нила, рассеялся. Чудесное отодвинулось дальше — далеко на юг, вверх по течению Нила, „на последний край земли“, ⁷⁴ в районы, откуда доставлялись всевозможные сокровища и диковинки, еще больше разжигавшие фантазию даже трезво мыслящих умов, как например Страбона или Плиния. Смутность географических представлений приводила к смешению эфиопов западных с эфиопами восточными, и мудрость и добродетель индусских анахоретов приписывались нубийцам.⁷⁵ Немалое значение имело и сходство египетской культуры с культурой Напаты и Мероэ. Родовой строй или его пережитки, столь прельщавшие многих греческих писателей и утопистов и сохранившиеся в Нубии, также немало способствовали идеализации этой страны,⁷⁶ причем черты, свойственные Индии, и в этом случае могли переноситься в долину Нила. Большое значение имело также и то, что Нубия отстояла свою независимость, невзирая на все попытки персов, греков и даже римлян овладеть ею. Более того, сохранились воспоминания о господстве нубийцев над Египтом

⁶⁸ Например, скифы и северные народы: Ephor., §§ 76, 78; FHG, vol. I. Paris, 1846, стр. 256—257; Herod., IV, 23; Plin. Nat. Hist., VI, 34—35; эфиопы: Herod., III, 19 сл.; Nicol. Damasc.; FHG, vol. III, стр. 463, § 142; Индия: Ctesias. La Perse, l'Inde; см.: Les sommaires de Photius ed. R. Henry. Bruxelles, 1947, стр. 61. На границах известного мира помещают свои идеальные государства Платон, Эвгемер, Ямбул и др. Предпочтение отдается южным и восточным окраинам: E. Rohde. Der griechische Roman und seine Vorläufer, стр. 188.

⁶⁹ И. М. Тронский. История античной литературы. Изд. 3-е, Л., 1957, стр. 233.

⁷⁰ Hesiod. Opera et dies., 109 сл.; 26 сл.

⁷¹ О сношениях Греции с Индией см.: E. Speck. Handelsgeschichte des Altertums, Bd. I. Leipzig, 1900, стр. 193—197; М. Хвостов, ук. соч., стр. 422—423; Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953.

⁷² Р. Пельман, ук. соч., стр. 303—333.

⁷³ Например Гекатей Абдерский (FHG, vol. II. Paris, 1848, 386 сл.), которым усиленно пользовался Дюдор (С. Wachsmuth. Einleitung in das Studium der Alten Geschichte. Leipzig, 1895, стр. 330—332).

⁷⁴ Ἡς ἐπ' ἐσχάτου ὄρους (177,4) — заключительные строк ямбического триметра.

⁷⁵ E. Rohde, ук. соч., стр. 441, прим. 1.

⁷⁶ Указания о родовом строе и его пережитках в Индии и Счастливой Аравии см.: Strabo., XV, 1, 66; XVI, 4, 25.

и о сопротивлении, которое они оказывали пришельцам.⁷⁷ Вот вкратце причины, приведшие к идеализации и значительному смещению этнографической и исторической перспективы при описании Нубии античными писателями.⁷⁸ Конечно, в разные эпохи писатели по-разному повествовали об этой стране, но между ними есть много объединяющих их черт. Естественно, со всем этим необходимо считаться при оценке и использовании античных источников, относящихся к Нубии. Более углубленное исследование данного вопроса выходит за пределы настоящей работы.

Едва ли целесообразно перечислять длинную вереницу писателей, историков, биографов, хронографов, географов с III в. до н. э., в общих или специальных писаниях которых упоминалось о Нубии. В благоприятных случаях от них, кроме названий, сохранились скудные фрагменты в виде эскизцов у других авторов, как например от Николая Дамасского (конец I в. до н. э.) в Антологии Стобиа⁷⁹ или более раннего Гермиппа Смирнского (конец III в. до н. э.) у Элиана.⁸⁰ Отдельные замечания или экскурсы Павсания почти полностью связаны с Геродотом (III, 17 и сл.), которого он не всегда достаточно точно передает (I, 33, 3—5).

Специально географические интересы Страбона заставили его только вскользь упоминать о событиях исторических, особенно относящихся к более или менее отдаленному прошлому. Вот почему так скудна добыча историка, желающего извлечь из его труда сведения, относящиеся ко времени до воцарения Птолемея. Страбон, побывав на границе Нубии в 25 или 24 г. до н. э., о чем дважды сам ясно заявляет,⁸¹ пользовался для описания этой страны трудами других ученых, в частности Артемидора, так как и он едва ли обращался непосредственно к Агатархиду. Слишком разительное совпадение между ним и текстом некоторых глав I и III книг „Исторической библиотеки“ Диодора, которые вне всякого сомнения заимствованы у Артемидора.⁸² Ограниченность исторических данных, сообщаемых Страбонем, до некоторой степени искупается теми дополнительными и притом весьма важными известиями о Нубии и окрестных землях, которые содержатся в „Географии“ и которыми он обязан экспедиции Петрония.⁸³ Очевидно, от участников последней он узнал некоторые новые сведения о быте нубийских племен и особенно племен, обитавших в районе Мероэ и далее к югу и юго-востоку. Повсюду законно предположить, что большая часть второго параграфа 2-й главы XVII книги, а также некоторые места параграфов первого и третьего той же главы

⁷⁷ Несомненное влияние на античную традицию оказали и рассказы египетских иероглифистов о благочестии и достоинствах эфиопов, ревнителей древнего благочестия: Diod., III, 2; Номер, II, I, 424; Od. I, 20; FHG, vol. III, стр. 583, § 40.

⁷⁸ По мнению К. Керени, у Геллиодора Эфиопия не что иное как идеализированный Египет (K. Kerényi. Die Griechisch-Orientalische Romanliteratur in religionsgeschichtlicher Beleuchtung. Tübingen, 1927, стр. 50).

⁷⁹ FHG, vol. III, стр. 463, § 142; ср.: Herod., III, 20. Этот отрывок, возможно, восходит к Геродоту.

⁸⁰ Там же, III, стр. 53, § 76.

⁸¹ „Когда Галл управлял Египтом, я, находясь вместе с ним и дошедши до Сиены и до границ эфиопских...“ (Strabo., II, 5, 12). „От Сиены к Филам мы ехали в повозке по плоской равнине на протяжении стадий ста“ (Strabo, XVII, 1, 50).

⁸² Ср.: Strabo, XVII, 2, 2; Diod., III, 10; также Страбон (Strabo, XVII, 2, 3) весьма близок к Диодору (Diod., III, 6—9).

⁸³ R. Hennig. Terrae incognitae, Bd. I. Leiden, 1944, стр. 309—311.

принадлежат Страбону. Они-то и представляют наибольший интерес. Только что отмечалась скудость приводимых им исторических фактов. К этому следует добавить, что почти все они известны из Геродота, Диодора и других и далеко не всегда правдивы, например отдаленные странствования Тахарки⁸⁴ (I, 3, 21), приоритет Сизостриса в покорении Нубии (XVI, 4, 4), мнимый поход Камбиза в Мероэ (XVII, 1, 5) и т. д. Труд Страбона в древности был мало распространен. Судя по отсутствию всяких упоминаний, он остался неизвестным Помпонию Меле и Плинию,⁸⁵ невзирая на обширную начитанность и библиографическую осведомленность последнего. Вот почему некоторые любопытные детали о быте нубийских племен можно найти только у Страбона.

Ничего нового по сравнению со Страбоном, да и со всеми прочими географами не содержит о Нубии и окрестных странах и „Хронография“ Помпония Мелы (первая половина I в. н. э.), автора единственного дошедшего до нас латинского трактата подобного рода. Мозаично, без всякой критики, не проявляя своего отношения к материалу, он делает выписки из довольно ограниченного числа источников, идеализируя население Нубии и сообщая о ней, в частности об ее фауне, всевозможные побасенки, имевшие тогда широкое распространение. Некоторые из них скорее всего восходят к Геродоту, например о „солнечном столе“, бескорыстии, добродетелях и красивой внешности эфиопов.⁸⁶

Несмотря на интерес, который проявлял к Египту Сенека,⁸⁷ о Нубии он почти не говорит, если, конечно, судить по сохранившимся его сочинениям. Однако в „Naturalium Questionum“ (VI, 8) содержится одно весьма интересное упоминание о посланных Нероном к истокам Нила двух центурионах.⁸⁸ В связи с этим Сенека роняет замечание, дополняющее наши сведения об общественной организации проживавших там племен.

Также ограничивает себя в сообщении исторических фактов Плиний Старший в обширном компендиуме, каким по существу представляется его „Естественная История“. Нубии и соседним странам в ней специально уделена 35-я глава шестой книги. Она доказывает, что Плиний имел для своего времени относительно правильное и достаточно полное общее представление о северо-восточной Африке, ее основных особенностях, географии, природных богатствах, фауне и флоре. Этому знакомству он обязан своей разносторонней, хотя не всегда достаточно глубокой начитанности. Из писем его племянника — Плиния Младшего (Epist. 3, 5, 10 сл.) ясно можно представить себе метод, с помощью которого он собирал материал. Многочисленные выписки и заметки, делавшие честь преимущественно его прилежанию и добросовестности, располагавшиеся затем в пестрой последователь-

⁸⁴ Ср.: Megasthenes. Indic., libr. 2. В кн.; FHG, vol. II, стр. 416, § 20.

⁸⁵ D. Detlefsen. Die Geographie Afrikas bei Plinius und Mela und ihre Quellen. Berlin, 1908, стр. 6.

⁸⁶ Herod., III, 9; E. K. Bunbury. A History of Ancient Geography, vol. 2. London, 1879, стр. 367. Банбери считает, что Мела (III, 9) не пользовался непосредственно Геродотом, а занимал часть его труда из вторых рук.

⁸⁷ „Servius Maurus Honoratus ad Aeneida“ (VI, V, 154) упоминает о книге Сенеки „De ritu et de sacris Aegyptiorum.“ Больше о ней ничего неизвестно. В других сочинениях Сенеки также часто говорится о Египте. См.: A. Wiedemann. Ägyptische Geschichte, Bd. I, стр. 143.

⁸⁸ Ср.: Plin. Nat. Hist., VI, 68; R. Hennig. Terrae incognitae, Bd. I. Leiden, 1944, стр. 356—362.

ности, доказывают, что, невзирая на ссылки на десятки авторов, к помощи которых якобы прибегал Плиний, он далеко не всегда знакомился с их произведениями в подлинниках. Его любознательность удовлетворяли всевозможные сборники и распространенные в I в. до н. э.—I в. н. э. компилятивные работы преимущественно на латинском языке. Отсюда недостаток и достоинства „Естественной истории“, во многом зависящие от качеств источников, которыми пользовался ее автор, весьма экономно прибегавший к критике. Так, для пятидесяти параграфов, посвященных описанию Африки, можно указать до 12 разных писателей; причем не ко всем Плиний обращался непосредственно.⁸⁹ Кроме авторов, можно отметить сообщения отдельных путешественников, например участников экспедиции, посланной Нероном в Нубию. Во всяком случае несомненно, что Плинию были известны, как уже упоминалось: Далион, Аристокреон, Бион, Басилис, Симонид, Эратосфен, Артемидор и т. д., а также периплы. Им-то он и обязан своей эрудицией. Таким образом, в „Естественной истории“ старые свидетельства сплетаются с новыми.

У Плиния мы находим перечисление многих населенных пунктов, в том числе основанных в эпоху Среднего царства, указания на расстояния между ними, сообщения о племенах, обитавших в районе бассейна Нила и около побережья Красного моря, описание природных богатств страны, ее фауны и флоры. Память о многих авторах, которыми он пользовался в той или иной степени сохранилась также благодаря ему. Исторические факты мало привлекали внимание естествоиспытателя, а то немногое, что включено им в свой труд, относится к позднему времени или известно из других источников, как например, о походе Сезостриса в Нубию (Plin. Nat. Hist., VI, 35; Herod., II, 116) и о правлении царицы Кандаки. Эти немногие сведения только дополняют остальные источники — в первую очередь античных авторов. Историк Нубии у него больше ничего достоверного не найдет. Ведь именно Плинию средневековые обязаны рассказами о фантастических племенах и зверях, якобы обитавших на юге, которые встречаются во всевозможных землеописаниях той поры. Им верили многие столетия, пока эти вымыслы не были окончательно развеяны эпохой великих географических открытий.

Еще меньше дает другой, наряду с Эратосфеном великий географ древности, — Клавдий Птолемей, живший во второй половине II в. н. э. В основе его описания стран южной и средней части бассейна Нила лежит Марин Тирский (конец I в. и начало II в. н. э.). Возможно, благодаря ему Птолемей имеет более или менее реальные представления об истоках Нила, о районах великих озер экваториальной Африки и современной Абиссинии и т. д.⁹⁰ Возникшее незадолго перед этим Аксумское государство притягивало к себе торговцев, и, конечно, им скорее всего обязаны своей эрудицией и Марин и, вслед за ним,

⁸⁹ D. Detlefsen. 1) Die Geographie Afrikas bei Plinius und Mela und ihre Quellen. Berlin, 1908, стр. 61; 2) Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. Berlin, 1909 (Quellen und Forschungen zur Alten Geschichte und Geographie herausgegeben von W. Sieglin), стр. 141.

⁹⁰ E. H. Bunbury. A History of Ancient Geography, vol. 2. London, 1879, стр. 614—618. Хенниг (R. Hennig. Terrae incognitae, Bd. I, стр. 427—428) полагает, что Птолемей заимствовал эти сведения не у Марина Тирского, а воспользовался дошедшими до него рассказами охотников за слонами, проникавших в поисках слоновой кости в районы оз. Альберта и Рувендори.

Птолемей. Дорога в Аксум и южнее его расположенные области проходила по Красному морю. Нил как торговый путь потерял в ту эпоху почти всякое значение в международной торговле.⁹¹ Именно поэтому Птолемей так мало знает о Нубии. Его знакомство с ней ограничивается одним лишь „островом Мероэ“, где, кроме самого Мероэ, им упоминается всего лишь три населенных пункта, известных еще за четыре столетия до этого. Область Мероэ Птолемей считает настоящим островом (IV, 7, 7). Таким образом, он дает меньше, чем географы и путешественники эллинистической эпохи, труды которых им использованы. Узкие географические и астрономические интересы Птолемея являются причиной почти полного отсутствия в его работах упоминаний о событиях и фактах исторических.

Итак, „торговые и иные сношения Египта с Эфиопией ограничивались в римскую эпоху лишь ближайшей к Египту местностью, куда эфиопы доставляли свои и, может быть, центрально-африканские товары“.⁹² Красное море, как говорилось выше, превратилось в основную торговую артерию. Эти два обстоятельства привели к утрате непосредственных связей с Нубией и прекращению притока известий о ней. Приходилось довольствоваться старыми сведениями, собранными прежними писателями, особенно эллинистическими, в сильной степени приправленными фантастическими измышлениями, некоторые причины появления и содержание которых изложены выше. Активизация начиная с III в. н. э. воинственных полудиких блеммиев на южных границах Египта, бурно развивающийся экономический и социальный кризис Римской империи, катастрофически сказывающийся на торговых связях, — в последующие столетия также сыграли и притом немалую роль в представлениях о южных странах Нила даже лучших умов гибнущей античной цивилизации. Большее значение, чем прежде, приобретают при этом и всевозможные религиозно-мистические, или философско-моралистические, или социально-утопические теории и учения.⁹³

Все эти обстоятельства в их совокупности и взаимосвязи не должно упускать из виду при оценке самого обширного, сохраненного временем романа античности — „Эфиопику“ Гелиодора, действие которого частично протекает в Нубии. Здесь они сказались в полной мере. Гелиодор, живший, очевидно, в III в. н. э.⁹⁴ поэтизирует и идеализирует не только Эфиопию, но и Египет, в чем, конечно, далеко не был пионером.⁹⁵ Когда герои его романа оставляют пределы древней страны фараонов и вступают в области, принадлежащие эфиопам, сказочные мотивы, как это и естественно было бы ожидать, вырисовываются все яснее, почти совершенно оттесняя на задний план реальную действительность.⁹⁶ Однако даже в передаваемых вымыслах Гелиодор далеко не самостоятелен. Полет его фантазии ограничивается рассказами старых рукописей, содержащих сочинения Геродота, Диодора, Биона

⁹¹ М. Хвостов, ук. соч., стр. 67.

⁹² Там же, стр. 67—71.

⁹³ Даже в сочинениях о более близком и лучше известном Египте у поздних авторов проявляются подобные представления, например Σωθης Псевдо-Манефона (III в.), Περὶ ποταμῶν Αἰγυπτῶν Ямблика из Халкиды (середина IV в.), Γεωγραφικά Гореполлона (конец IV в.) и др.

⁹⁴ И. М. Тронский. История античной литературы. Изд. 3-е, Л., 1957, стр. 261.

⁹⁵ „Всякий египетский слух и рассказ чрезвычайно чарует уши грека“ (Эфиопика, II, 27).

⁹⁶ А. Егунов. Вступительная статья к „Эфиопике“ Гелиодора. М., 1932, стр. 40; R. Heilm. Der antike Roman. Göttingen, 1956, стр. 37 сл.

и других историков и путешественников. Действительно, несмотря на скудность дошедших источников, можно указать происхождение многих мест „Эфиопики“, описывающих преимущественно нравы и быт населения этой страны. Вкусы Гелиодора и поставленная им перед собой задача заставляли его без колебаний отдавать предпочтение эффектному и увлекательному в ущерб правдивости и достоверности. При этом старые известия и представления о золотой стране эфиопов переплетаются с новыми. Например рассказ о золотых цепях встречается у Геродота (III, 23), о почитании эфиопами Гелиоса и Силены у Бисна⁹⁷ и Диодора (III, 3), Диониса — у Геродота (II, 29), Пана у Страбона (XVII, 2, 3), описание жирафа у Страбона и т. д. Роман Гелиодора превосходно иллюстрирует вырождение представлений об Эфиопии в эпоху поздней античности и их зависимость от сведений доэллинистической эпохи.⁹⁸

Вместе с тем следует признать, что никто из писателей и ученых античности, в том числе и Птолемей, не были так хорошо осведомлены об истоках Нила, как автор этого фантастического, окрашенного в мистические тона, и вместе с тем сентиментального произведения. Его списание „района, откуда берет свое начало Нил, самое совершенное и наиболее подробное из всех существующих об этой местности вплоть до конца XIX века“.⁹⁹

Свыше тысячелетия греки, а затем и римляне писали о Нубии в различной связи и по разнообразным поводам, оставив, таким образом, неисглаживаемое сказательство своего интереса к ней. Какова же объективная научная ценность всех их трудов, или, вернее, всего того, что века и случай сохранили до настоящего времени? В какой степени этими сведениями можно и должно пользоваться для восстановления далекого прошлого современного Судана и северной Нубии?

Прежде всего можно отметить, что географические познания античных авторов о Нубии намного превосходят полноту и точность их сведений в области истории. И это вполне понятно. Знакомство с географией действительно диктовалось насущными потребностями развивающихся торговых связей. Интерес к истории носил более отвлеченный, так сказать академический характер. Но были еще и иные причины. В то время как для ознакомления с рельефом местности, городами, расстояниями знание языка хотя и представлялось весьма существенным, все же с большими или меньшими ограничениями можно было обойтись или совершенно без него, или с весьма небольшим запасом слов, ибо говорить приходилось о предметах конкретных. Иное дело — собирание исторического материала. Для подобного занятия необходимо хотя бы элементарное знакомство с местными наречиями или письменностью, чем греки-купцы обладали редко и также редко их, практиков, подобные темы могли интересовать. А ведь именно они давали значительную часть сведений, которые содержатся в трудах Геродота, Диодора, Страбона и др. Писателей, лично посетивших Нубию, подобно Далиону, было не столь уж много, да и писания их не сохранились. За редким исключением сравни-

⁹⁷ FHG, vol. IV, стр. 351.

⁹⁸ В задачи настоящего обзора не входит рассмотрение трудов более поздних писателей и историков, например Олимпиодора Фиванского, Прокопия Кессарийского и др. Они относятся к иной эпохе и их следует привлекать в связи с иными событиями.

⁹⁹ R. Hennig. Terrae incognitae, Bd. I, стр. 431.

тельно немногие исторические факты, попавшие в сочинения греческих и римских писателей, относятся к позднему времени, как правило, не ранее второй половины первого тысячелетия. Отрывочные сведения, восходящие к древнейшим эпохам, содержат только зерна истины, которые окутывают слои фантастических наслоений. Почти всегда спутана хронологическая перспектива. Но только античные авторы рассказывают о быте, нравах и общественных порядках нубийских племен. Только они, как указывалось в начале, передают некоторые черты, позволяющие восстановить, хотя далеко не полностью, социальный уклад и экономическую организацию народностей южной периферии древнего мира.

Превосходно дополняя археологические материалы, памятники местной и древнеегипетской письменности, они незаменимы для восстановления далекого прошлого Суданской республики, неразрывно связанного с другими древними культурами восточного Средиземноморья.

I. S. Katznelson

LES ECRIVAINS ANTIQUES SUR LA NUBIE

Résumé

Les écrivains antiques nous fournissent des faits précieux pour l'histoire politique et de la géographie historique de la Nubie antique.

Les connaissances géographiques des auteurs anciens sur la Nubie dépassent de beaucoup l'ampleur et la précision des données historiques dont ils disposent. La nécessité des connaissances géographiques était imposée par les exigences des liens commerciaux qui se développaient. L'intérêt historique, lui, n'avait aucune application pratique. Il était plus facile aux Grecs, étant donné leur ignorance des langues locales, de récolter des données géographiques sur le pays tant qu'il s'agissait de renseignements concrets et non de notions abstraites comme dans les conversations sur des sujets historiques. Les marchands, qui étaient les plus nombreux parmi ceux qui pénétraient en Ethiopie, n'étaient pas, pour la plupart, intéressés à ces sujets, et c'étaient justement eux qui fournissaient le plus souvent des renseignements à de nombreux écrivains antiques. Quoique la chronologie qui se rapporte à une époque antérieure à la deuxième moitié du premier millénaire av. n. ère est presque toujours embrouillée, ce sont seulement les auteurs antiques qui parlent des mœurs, de la vie et du régime social des tribus nubienues.
